

Валерия Безобразова, профессор Северного Союза. Лучшая в своей области, руководитель последнего института по созданию «нового поколения». Хотя, теперь уже бывший руководитель.

Женщина сидела в помещении, где зачастую проводили совещание высшие чины государства. Вокруг собрались почти все члены Высшего Совета Северного Союза. Одна из них, самая молодая, зачитывала с листочка длинный список обвинений.

— Халатность, приведшая к аварии в лаборатории. Множество жертв во время инцидента. Уничтожено бесценное оборудование. Потеряны данные. Единственный выживший подопытный образец сбежал и учиняет беспорядки. Во время его задержания гибнут наши сотрудницы. Ценнейшие кадры, на обучение которых ушло немало средств и времени. Общественность недовольна. Адвокаты двух влиятельных лиц подали кучу исков государству. Но самое главное – все это было напрасно. Подопытный, умело пойманный нашей подчиненной, полковником Викторией Власовой, снова сбежал. Сбежал из-под самого вашего носа!

Всё это Валерия слушала без особого внимания. Она и сама всё знала. Но вот то, что выступающая начала говорить дальше её не на шутку разозлило и даже напугало. Женщина вдруг обратилась к своим коллегам:

— У нас возникли некоторые подозрения. Небеспочвенные. В первом случае, как раз во время инцидента, профессор не находилась в лаборатории. А сейчас, хоть подопытный и был надежнейшим образом обездвижен, находился в хорошо охраняемом комплексе, сумел сбежать. Более того, охрана утверждает, и эта информация подтверждена полковником Власовой, что ремни, удерживающие подопытного, оказались разрезаны. Не разорваны, как ранее во время первого инцидента, а именно разрезаны. По утверждению персонала, Профессор Безобразова находилась в помещении с подопытным одна. Более того, она запретила кому-либо присутствовать при допросе. И самое главное – пропал жесткий диск со всеми данными и исследованиями по «новому поколению»! Обладая такой информацией, наши... заграничные партнёры, начнут доминировать в этой сфере. Наше государство может быть поглощено или уничтожено, если они преуспеют в создании таких как тысяча сто одиннадцатый.

Безобразову пока не обвинили в предательстве или измене родине, но буквально поставили на эту самую грань. «Неужели Виктория, дрянь коварная, решила сделать меня козлом отпущения? И ведь всё сказанное правда. Только я ничего не делала. Жесткий диск, скорее всего, забрал безмозглый мальчишка! Или тот, кто помог ему освободиться и сбежать, я здесь совершенно не при чём! Ах ну да, ведь у Виктории родственница в Высшем Совете! Хочет выслужиться, подняться на моих неудачах», профессор даже губу закусила от обиды. Тем временем член Совета продолжала:

— Правда в защиту профессора выступает сама полковник Власова. Она заявляет, что профессор предана своему делу и государству. В контактах с иностранными агентами, ни разу замечена не была. Поэтому пока, никаких обвинений мы не выдвигаем. Однако без наказания ваши проступки остаться не могут. Вы отстраняетесь от руководства институтом, и вам запрещается вести научную деятельность с гражданскими компаниями. И конечно вам

запрещён выезд за пределы нашего государства. Это всё.

«Вот оно как, оказалось. Видимо я в ней ошиблась. Однако, что мне теперь делать? Всю свою жизнь я занималась исследованиями. Может, даже лучше было бы оказаться за решёткой, там меня всё равно загрузили бы научной работой», учёная не стала говорить это вслух, лишь молча склонила голову.

Собрав все свои вещи в небольшую коробку, Безобразова брела по коридору к выходу. Здесь её встретила начальница охраны.

— Всё не так плохо, профессор. Пройдёт месяц-два, максимум полгода, и вас позовут обратно. Я посодействую, вы же знаете, у меня есть некоторые возможности.

Безобразова ничего не сказала, лишь улыбнулась, кивнув. Неспешно бредя по тротуару вдоль хорошо знакомой дороги, она не смотрела по сторонам. Уже у самого дома женщина начала ощущать чьё-то назойливое присутствие. «Всё-таки не доверяют, видимо слежку выставили. Пусть следят, это ничего не даст, кроме впустую потерянного времени».

Вот только две одетые в пальто дамы, преследовавшие Безобразову, подходили всё ближе. Стоя на пороге собственного дома, учёная обернулась. Подобное поведение уже никак нельзя было назвать слежкой – скорее преследованием. Одна из женщин в плаще, недвусмысленно пошевелила рукой в кармане и вдруг с акцентом произнесла:

— Открывайте дверь, профессор. Мы хотим поговорить.

«Пара-тройка спешащих по своим делам прохожих на почти пустынной улице, они едва ли заметят, если я вдруг рухну, тем более силуэты в плащах уже совсем близко, меня и не видно из-за них», спокойно рассудила Безобразова.

«Пистолет у говорившей, почти наверняка с глушителем – никто не услышит выстрелов», вздохнув, Безобразова открыла дверь и вошла. За ней в квартиру сразу же вломились гости в плащах.

Дамы не пытались напасть, наоборот, учтиво улыбались предложив помощь с коробкой, чтобы учёная могла спокойно снять верхнюю одежду. Валерия просто оставила коробку на полу в коридоре, так как все полки и шкафы в квартире были завалены всякими бумагами, книгами, исследовательскими принадлежностями и тому подобными вещами.

В лаборатории она всегда поддерживала идеальный порядок. Однако здесь, в её собственной квартире, свила гнездо птица хаоса и анархии – повсюду на полу и на шкафах собирали пыль, похожие на принесённую сегодня, коробки. Почти все дверцы шкафов пребывали в распахнутом состоянии, выставляя напоказ груды какого-то хлама.

Свое пальто Валерия просто бросила на коробку, стащила сапоги и, не оборачиваясь, побрела на кухню. Вошедшие следом переглянулись, пожав плечами. Быстро разувшись, дамы преследовали ученую, не упуская из виду. Уже на кухне, пока Безобразова ставила чайник, женщины положили на стол конверт.

— Прочитайте, и дайте ответ. После этого мы уйдём. И будьте так любезны, не заставляйте нас долго ждать.

Ученая повертела конверт в руках. Тот не был запечатан, а внутри находились какие-то бумаги. Делать нечего, Валерия начала читать, а когда закончила, молча уставилась на своих гостей.

— Решайте сейчас, профессор, другого подобного шанса скорее всего не представится.

Всё так же с акцентом заявила дама в плаще.

Сидя за огромным столом, Мать Наталия перебирала бумаги. Как и предыдущие три месяца, женщина испытывала дискомфорт. Её раздражала любая мелочь, и часто болела голова. Прямо как сейчас.

В дверь без стука вломилась Лидия. Лет десять назад, девчонка за такое была бы выпорота. Но теперь, как бы ей самой не оказаться наказанной, если не лично Лидией, то её окончательно сбрендившими товарками. А ведь девушка являлась родной дочерью Наталии.

В тяжелые времена слабые духом люди обычно обращаются к религии. Там они находят утешение для себя. Слабым легче жить, будучи овцами, которых пасёт пастырь. Но есть и сильные люди – те самые пастыри. Они пользуются религией как оружием, как инструментом, для управления этими самыми овцами. Много лет назад Наталия, выбрала для себя сей тернистый путь. И она добилась многого, став Матриархом этого места.

Сама женщина, хоть и занимала высший пост в местной иерархии, в религиозные бредни не верила. Страшная истина, о которой никто кроме неё самой не знал. Даже собственная дочь.

Вот только Наталия старалась воспитывать Лидию свободно мыслящей. Давала ей множество поблажек и не настаивала на монашеском пути. Более того, она сама, незаметно, подтолкнула дочь уйти из монастыря. Тогда-то девочка и отправилась в армию. В какое-то элитное подразделение.

Лидия изредка приходила повидаться с мамой и подругами детства. Но скептицизм по отношению ко всякой религиозной чепухе сквозил в её речах и не шибко скрывался за поступками. Пару раз девушка даже прямо высказала свои сомнения вслух. И Наталия была рада этому, тем не менее публично осудив «малодушие».

Однако совсем недавно, всего пару месяцев назад, девочка вернулась вся в слезах. Она плакала на коленях у матери, наверное, первый раз в своей жизни. В этой самой комнате, на том самом диване, у стены. Наталия гладила дочь по голове, успокаивая, а та рыдала, намочив подол рясы, пересказывая случившееся на охраняемом объекте, где Лидия несла свою службу.

Прервав воспоминания матери, Лидия хлопнула по столу, усаживаясь на диванчик.

— Мы сделали это, мама! Мы её уничтожили! Её и этого демонического выродка. Мы предотвратили рождение демона!

Наталия тяжело вздохнула. «Как жаль, что это не очередная её невинная детская выходка», про себя вздохнула Наталия. То чем теперь занималась дочь, являлось преступлением не только в глазах закона, но и по мнению любого здравомыслящего человека принципе. За подобного рода деятельность могли посадить пожизненно или даже приговорить к «высшей мере».

— Кого?

Только и спросила Матриарх. Брови Лидии сошлись на переносице. Она недовольно посмотрела на мать, блестящими, совершенно сумасшедшими глазами. Потом выражение её лица несколько раз изменилось и девушка с отвращением, будто выплюнув, сказала:

— Лилит. Мы убили её! Больше она не представляет угрозы. Так же, как и её не родившийся демон. Осталось только уничтожить змея, и наступит новая эра человечества!

Наталия закрыла глаза, приложив руку ко лбу. Всё-таки они это сделали - проникли на государственный объект и убили ту несчастную. «Теперь дороги назад нет. Правительство здесь камня на камне не оставит, когда всё выяснится. Если всё выяснится», поправила она себя, пытаясь утешиться блёклой надеждой.

— Ева.

Произнесла Мать, обращаясь к склонившейся над книгой девушкой. Карина перелистывала очередную страницу, погружившись в чтение. Эта книга, как и многие другие здесь, была ей совсем не интересна. Но она всё равно вчитывалась в каждое слово, ведь от этого, теперь, зависела её жизнь.

— Ева!

Повысила голос немолодая дама, в белоснежном монашеском одеянии. Её звали Наталия, хотя здесь все обращались к ней не иначе как - Мать. Она являлась главой местной религиозной

общины, и любая женщина в стенах монастыря беспрекословно выполняла её поручения. Ну, может кроме Лидии. Та была настоящей дочерью Наталии, потому могла позволить себе некоторые вольности. Хотя в последнее время Карина начала замечать, что Мать попросту боится своей дочери.

Оторвавшись от книги, Карина взглянула в лицо Наталии.

— Тебе пора бы уже привыкнуть к настоящему имени.

Заявила Мать Наталия, на что Карина сразу же кивнула, соглашаясь. Её животик почти не изменился к этому времени, но девушка знала и чувствовала, что это случится уже скоро.

Шел третий месяц её пребывания в монастыре, но Карина действительно иногда забывалась, отрешившись от внешнего мира, сосредотачивая внимание на страницах книг.

Наталия в очередной раз упрекнула девушку. Удивительное дело, но Матриарх будто чувствовала, когда Карина погружается в свои мысли. Именно в такие моменты дама тихонько произносила новое имя «Ева».

«Возможно столь странным образом намереваясь заставить забыть прошлую жизнь и указать на место в новой... Или она просто надо мной издевается», мелькнуло в голове у Карины.

Карина тешила себя иллюзиями, прекрасно осознавая – её появление, это прямая угроза власти и авторитету Матриарха. Она попыталась бы сбежать, если бы не была уверена, что бежать ей некуда. Бывшая горничная даже не знала где точно находится.

Обнесённый высокой каменной стеной периметр являлся золотой клеткой для беременной девушки. Но даже здесь Карину не выпускали из комнаты без сопровождения. Минимум три сестры в черных балахонах сопровождали её повсюду.

Однажды Карина пожаловалась на это Матери, но та лишь усмехнулась. «— Это великая честь для наших сестер, сопровождать возродившуюся праматерь. Не отказывай им в желании служить тебе и малышу Каину» ответила дама тогда.

Карине всё это очень не нравилось – они не только звали её чужим именем, приписывали чуть ли не божественное начало, они так же дали имя ещё не родившемуся ребенку. Её ребенку!

Конечно Карина, когда брала семя Тима, не собиралась оставлять ребёнка себе. Ей просто нужны были деньги и государственные льготы. Она бы отдала младенца. Но теперь, узнав, что это за ребенок, девушка собиралась получить всё что только возможно, став первой матерью мальчика на планете.

«Ну, может не первой, ведь у Тима тоже должна быть мать», тут же поправила себя бывшая

горничная мысленно. «Но я в отличии от неё скрываться не намерена! Обо мне узнают все, напишут в газетах, расскажут на радио и покажут по телевизору, предложат лучшие условия, лишь бы я с ребёночком оставалась в Северном Союзе... начнут конечно подлизываться и завидовать, куда ж без этого. Особенно те задаваки, которые не желали дружить в детстве», вновь вернулась к своим недавним мыслям Карина.

Будущая мамочка давно всё для себя решила. В тот самый день, когда перед ней на колени начали опускаться обитательницы этого места. Даже сама Мать, тогда присоединилась к остальным. Карина снова ушла в себя, вспоминая её появление в монастыре.

Машина летела с огромной скоростью. А может Карине так только казалось. Это, всё-таки, была её первая поездка в автомобиле. Девушка даже не думала о том, куда и зачем её увозят. Все мысли сосредоточивались на том, «как бы выжить, после того как эта сумасшедшая врежется в очередное дерево, или перевернёт автомобиль на крутом повороте».

Однако время шло, дом Ольги всё удалялся, а дорога неистовой куницей бросалась под колёса машины. Идеально вписываясь в каждый поворот, похитительница что-то напевала, иногда поглядывая на Карину. Каждый такой момент Карине хотелось закричать что-то типа – «смотри на дорогу, дура», но ей было слишком страшно.

Спустя часа два-три машина остановилась около высоченных резных ворот. От них, в обе стороны был выстроен каменный забор. Территория за воротами, оказалась огромной. Где заканчивается забор, разглядеть не удавалось, он просто тянулся вдоль дороги, никуда не сворачивая.

Когда из калитки вышла дама, в черном монашеском балахоне, похитительница прокричала:

— Открывай скорее! Мне необходимо увидеть Мать!

Та недовольно что-то забурчала, но ворота открыла. Машина рванула с места, чуть не задев зеркалом раздвигающиеся створки. Слева и права от дороги раскинулись чистые, убранные от листьев сады. Чьи-то усердные руки так же очистили от мусора и ровную, асфальтированную дорогу.

Меж деревьев бродили женщины в черных балахонах или рясах. Атмосфера умиротворённости и покоя царила вокруг. Только ревущая мотором и мчащаяся с немаленькой скоростью машина нарушала созданную местными идиллию.

Сделав резкий разворот, визжа тормозами, машина даже слегка подпрыгнула и замерла. Дорога закончилась небольшой, выложенной брусчаткой, площадью. Здесь был воздвигнут настоящий храм.

Не потрудившись даже заглушить мотор, похитительница выскочила из автомобиля взбежав по ступеням и распахнула деревянные двери. Те разлетелись в стороны. Звук от удара прогремел по огромному залу.

В помещении на жестких деревянных скамьях, склонив головы, сидели послушницы и монахини. А в самом конце зала, за пюпитром, стояла высокая, немолодая дама, в белом одеянии. Пробегая меж рядов, похитительница даже не смотрела на окружающих. Её горящий взгляд был устремлён только на женщину в белом.

— Что ты себе позволяешь, девочка!?

Громко произнесла дама за пюпитром. Многие присутствующие гневно глядели на ворвавшуюся, а та и не думала останавливаться. Оказавшись подле пюпитры, она плюхнулась на колени, схватила руку дамы в белом и прикоснулась к ней лбом, тут же вскакивая. Та поморщилась – видимо даже сие проявление смирения являлось нарушением этикета.

— Я нашла её! Преподобная Мать! Я нашла ЕВУ!

Поднявшись с колен, кричала девушка. Помещение наполнилось шумом. Со скамей вскакивали женщины в чёрном. Мать схватила за локоть говорившую и прошипела прямо на ухо:

— Ты с ума сошла, Лидия? Что ты несёшь?!

Но девушку это не смутило. Она лишь улыбнулась, указывая на распахнутые двери, и продолжила кричать.

— Она здесь. Прямо там, за дверью! Я привезла её с собой. Ты была права, пророчества верны! Зря я тебе не верила.

Успокаиваясь, закончила Лидия. Правда Матриарх больше не слушала, она шагала к выходу. За ней, в проход выскакивали другие присутствующие.

Когда из собора высыпали женщины во главе с Матерью и Лидией, Карина как раз спустилась со ступеньки автомобиля. Ей надоело ждать и она, поборов страх, решила выйти наружу.

Теперь она пожалела о своём решении. Десятки глаз впились в неё, будто намереваясь дотянуться до той самой души, о которой пишется в некоторых книгах. Их взгляды приковали молодую девушку к месту так, что она даже дышать боялась.

— И узрела я Змея, в обличии человеческом, но со звериными глазами. И был он быстр и силен, как ни один человек не может быть! Сия девушка вкусила запретный плод его. Предначертанное сбылось! Змей искусил невинную деву, ибо таково было пророчество. Пробил решающий час. Именно нам дано вершить судьбу мира. Ибо Ева пред нами. Падите ниц перед

Первой Матерью! Ева пред вами, сестры! А в чреве её Сын Первый! И обитель сия, станет Эдемом для него! И да благословит он всех нас рождением своим!

Лидия раздельно выкрикивала каждое слово, торжественно спускаясь по лестнице. А остановившись подле Карины, опустилась на колени. Безумный блеск в её глазах смешался с экстазом. Другие женщины в черном начали неуверенно опускаться на колени. Их становилось всё больше. Вскоре только одна Наталия осталась на ногах, с багровым от гнева лицом.

Лидия вдруг обернулась, бросив угрожающий, строгий взгляд на свою мать. Та дёрнулась, будто от удара, и тоже опустилась на колени. Лицо Наталия поспешила спрятать под капюшоном. Глаза Матриарха устали в землю, поэтому никто не мог видеть, как женщина кусает от злости губы и слышать, как она шепчет проклятья.

Всё, о чем сейчас могла думать Мать Настоятельница – почему же она в тот злополучный день, вместо ободряющего утешения, решила проучить своевольную, блудную дочь. Зачем пыталась привить немного смирения растерянной, плачущей девушке? Для чего несла религиозный бред, наполовину придуманный ей самой, не только Лидии, но и всем остальным здесь?

Ведь у неё и так имелось достаточно власти и авторитета. Но страх, это дополнительный стимул, рассуждала дама тогда, и самозабвенно проповедовала в этом самом соборе.

А ведь могла же просто сказать наедине, что дочке просто привиделось. Никаких желтых, змеиных глаз зверя не было. Просто отблеск от взрыва и пожара на том объекте.

Однако теперь поздно – история для слабых и глупых, как и религия, создаётся теми, кто её пишет. Её собственные проповеди были произнесены. Переданы из уст в уста. А после занесены в священные писания новой религии.

Теперь все здесь знают о «звере», рыщущем меж людей, «вышедшем из моря, о семью головах и с десятью рогами». И знание это распространяется по миру.

«Настоящий кошмар заключается в том, что Лидия на почве недавних событий скорее всего сошла с ума. И все это поймут, когда родится ребёнок. Свет увидит обычная девочка, как у любой другой женщины, не прошедшей процедуры изменения плода», сокрушалась Мать Наталия.

Нет никакой Евы, так же, как и зверя. В этом Матриарх оставалась полностью уверенной. Предстояло только решить, как избавиться от навалившихся проблем, не растеряв паству...